

1. О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВООБЩЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ В ЧАСТНОСТИ

Уже на первой лекции курса «Методика преподавания психологии» я предупреждаю, что вопреки названию речь будет прежде всего идти не столько (и не с самого начала!) о преподавании психологии, сколько о *воспитании психологической культуры личности развивающегося человека*. Отсюда неизбежно следует начать с обсуждения самого понятия «культура».

Когда преподаватель приступает к специальному обсуждению понятия, которое входит в «фоновые знания», является элементом «обыденного сознания» студентов, очень полезно начать с вопроса «публике» о том, что народ думает по этому поводу. На этот раз:

– Как вы думаете, что такое «культура»?

(Кстати, это весьма действенный прием активизации восприятия или, лучше, – создания *интерактивной* ситуации, в процессе которой возникает творческое межличностное взаимодействие преподавателя со студентами и студентов между собой. Это один из путей перевода студентов из позиции слушателя (пусть даже активного) в позицию соучастника, а может быть, и со-творца в добывании нового (пусть пока только для него) знания. Обсуждение может быть устным или письменным. Впрочем, это уже «чистая» методика, о которой речь впереди. Но и в этом разделе без нее не обойтись. Да и стоит ли?)

Поток ответов включал, прежде всего, самые различные словосочетания с участием «культуры». (Кстати, читатель может отложить книгу в сторону и произвести такой опыт с самим собой.) Физическая культура, культура поведения, семейно-бытовая культура; музыкальная культура обросла целой гроздью всяких родственных «культур»: певческая культура, исполнительская культура, оперная культура, культура танца; культура речи, культура ума, культура спора, культура чувств, сенсорная культура; культура земледелия, сельскохозяйственная культура и т. д. Появились и многочисленные историко-хронологические и этнические ассоциации: древняя культура, средневековая культура, полинезийская культура, белорусская культура, русская культура и т. д. Вспомнили также о культуре «винопития»...

В уже упоминавшейся книжке В. П. Зинченко приведены два ряда словосочетаний, которые, к счастью, сохранились в культуре, однако сошли с науки, – с участием понятия «дух».

В первом ряду автор называет его «оптимистическим, вдохновляющим» или одухотворяющим):

«Духосфера», «духовная вертикаль», «духопроводность» – это начало. Завершается ряд: «духовное бытие», «духовная жизнь», «духовная вселенная». В этом оптимистическом ряду – 65 словосочетаний...

Второй ряд – назовем его «пессимистическим, или точнее, трагическим» – открывается «духовным аристократизмом» (здесь с автором можно было бы не согласиться), дальше – «духовное варварство», «духовная слабость». Завершается ряд – «духовное небытие», «духовная смерть», «духовная преисподняя». Всего 24 словосочетания⁴.

Со словом «культура» можно создать значительно больше словосочетаний. Учтем при этом, что в списке В. П. Зинченко почти везде вместо слова «духовное» можно поставить «культурное».

В результате первичного обобщения здесь и сейчас был сделан вывод, что всякая деятельность человеческая имеет свою культуру, что «культура» – это и качественная, оценочная характеристика деятельности: ее соответствие определенным нормам, эталонам и стандартам, которые в свою очередь выступают компонентами культуры.

Как остроумно подытожил один студент: «культура – это культура».

Надо было выбирать на поверхность всей этой культурологической пирамиды (я чуть не сказал – хаоса) и ответить на вопрос: *что же такое культура?*

Помню, в мои аспирантские годы приехал к нам в Минск замечательный человек и практический психолог Николай Федорович Добрынин – классик отечественной психологии, предложивший понятие «последипломное внимание». (Потом мне посчастливилось с ним познакомиться поближе. Он даже был первым оппонентом на защите моей кандидатской диссертации.) В своей лекции он рассказал, что швейцарский психолог Э. Клаппаред начинал лекции о внимании следующими словами:

– Я знаю, что такое внимание, и вы знаете, что такое внимание, но чем дальше я буду говорить, тем меньше и вы, и я будем понимать, что же такое внимание...

Это состояние осознанного «непонимания» – стартовый момент самостоятельной мыслительной деятельности.

Начнем анализ понятия «культура» с общепризнанных падежных и устоявшихся словарных определений. При этом будем отслеживать в них психологическую компоненту.

⁴ Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М., 1995. С. 35–37.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова: «Культура» – 1. Совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении. 2. То же, что культурность... 5. Высокий уровень чего-н., *высокое развитие, умение*⁵.

Мы подчеркнули здесь элементы, в которых можно усмотреть психологическое содержание. *Такие в более развернутом виде элементы содержатся и в «Философском энциклопедическом словаре».*

«Словарь иностранных слов»: «Культура» (лат. cultura) – 1. совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом и характеризующих определенный уровень развития общества; различают *материальную и духовную культуру*... 2. уровень, *степень развития*, достигнутая в какой-то *отрасли знания* или деятельности... 3. *степень общественного и умственного развития*, присущая кому-либо⁶...

Как видим, кое-какие намеки есть и тут. Можно «включиться», например, в «уровень, степень развития» нашей отрасли знания – психологии, и степень умственного развития...

Более содержательные с интересующей нас точки зрения указания содержатся в «Советском энциклопедическом словаре»: «Культура» (от лат. cultura – *возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание*), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный... в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, включает... *силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей)*⁷.

Как видим, здесь содержится даже предмет изучения социальной психологии. Правда, как и везде, «психология» по имени не названа.

Зато есть здесь «культурная революция» – коренной переворот в духовном развитии страны. (К. р. нельзя смешивать с политической кампанией, во 2-й пол. 60-х гг. в Китае)⁸.

Может быть, стоило бы осуществить у нас психолого-культурную или культурно-психологическую революцию? Нет, уж лучше обойтись «волюцией»!

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1983. С. 276.

⁶ Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000. С. 266.

⁷ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1989. С. 677.

⁸ Там же. С. 677.

В «Философском энциклопедическом словаре» психологическое содержание понятия «культура» можно усмотреть в упоминании о «системе социальных норм и учреждений... в совокупности отношений людей к природе, между собой и самим себе...».

Культуру характеризуют также особенности поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни социальной группы... или всего общества в целом»⁹.

Наряду с понятием «культура» широкое распространение имеет понятие «цивилизация». В этом же словаре ему дается следующие толкование: (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) 1. синоним культуры... употребляется также для обозначения материальной культуры; 2 уровень, ступень общественного развития материальной и духовной культуры (античная ц.); 3. ступень общественного развития, следующая за варварством¹⁰.

Кстати, нередко «культуру» и «цивилизацию» противопоставляют: у некоего круга людей есть все признаки цивилизации – автомобили, компьютеры, мобильные телефоны и т. д. и т. п., но нет культуры. Может быть, уместно обсудить противоречивую ситуацию и по поводу психологической культуры и «психологической цивилизации», если под таковой подразумевать, во-первых, техногенные атрибуты психологических кабинетов и лабораторий – компьютеры, приборы и пробирки, во-вторых, наборы текстов, опросников и т. д., а также технологические приемы психотропного воздействия.

В книге В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунова «Человек развивающийся»¹¹ есть специальная глава «Психология в контексте культуры и цивилизации». Рекомендуем с этой прекрасной самостоятельной работой познакомиться. Мы же пока ограничимся приведенными здесь метафорическими высказываниями русского писателя М. Пришвина о соотношении «культуры» и «цивилизации». Лучше классика не скажешь!

«Культура – это связь людей, цивилизация – это сила вещей. Например, в «Капитале» К. Маркса представлена эта сила вещей, выступающая в виде золотой куколки, заключающей в себе и любовь, и знание, и все другие атрибуты человеческой личности. Антитеза этой капиталистической силы вещей, или цивилизации, есть союз творческих личностей, связь людей культуры...

⁹ Философский энциклопедический словарь / главная редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. С. 292.

¹⁰ Там же. С. 765.

¹¹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994.

Цивилизация является как сила внешнего принуждения; Культура – проявляется во внутри-личном побуждении. Цивилизация действует через стандарт – культура создает детали. Наука первая пошла на службу цивилизации, и потому в широком представлении вся наука является как ответственной за стандарт цивилизации.

Для художника жизнь на земле – это единство, и каждое событие и вещь есть явление целого, но ведь надо все-таки носить в себе целое, чтобы узнать его проявления в частном. Это целое есть свойство личности – надо быть личностью, чтобы узнавать это проявление целого в частном. Что же такое деталь? Это есть проявление целого в частном»¹².

Дальше М. М. Пришвин приводит два примечательных ряда понятия, которые ярко высвечивают различия между цивилизацией и культурой:

«Размножение – государство – производство – цивилизация;

Личность – общество – творчество – культура»¹³.

Немало поучительного для обсуждаемой нами проблемы – что же такое культура? – можно обнаружить в совершенно необозримом море сборников, монографий, полемических очерков и т. д. В этом море легко утонуть самому и утопить основное содержание. Ограничимся лишь некоторыми примерами.

Интересные для нас рассуждения о поляризации духовной культуры содержатся в публицистических работах английского писателя Чарльза Сноу, собранных в книге с характерным названием «Две культуры»¹⁴.

«На одном полюсе – культура, созданная наукой. Она действительно существует как определенная культура не только в интеллектуальном, но и в антропологическом смысле. Это значит, что те, кто к ней причастен, не нуждаются в том, чтобы полностью понимать друг друга, что и случается довольно часто. Биологи, например, сплошь и рядом не имеют не малейшего представления о современной физике. Но биологов и физиков объединяет общее отношение к миру; у них одинаковый стиль и одинаковые нормы поведения, аналогичные подходы к проблемам и родственные исходные позиции»¹⁵.

¹² Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994. С. 17.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Сноу Ч. Две культуры: сборник публицистических работ. М., 1973.

¹⁵ Там же. С. 24.

«На другом полюсе отношение к жизни гораздо более разнообразно. Совершенно очевидно, что, если кто-нибудь захочет совершить путешествие в мир интеллигенции, проделав путь от физиков к писателям, он встретит множество различных мнений и чувств. Но я думаю, что полюс абсолютного непонимания науки не может не влиять на всю сферу своего притяжения. Абсолютное непонимание, распространенное гораздо шире, чем мы думаем, – в силу привычки мы просто этого не замечаем, – придает привкус ненаучности всей традиционной культуре, и часто – чаще, чем мы предполагаем, – эта ненаучность едва удерживается на грани антинаучности...

Поляризация культуры – очевидная потеря для всех нас»¹⁶.

Культура «физиков» и культура «лириков»? Кстати, Ч. Сноу признает, что «психологией ученые интересуются в такой же мере, как и большинство интеллигентов, хотя иногда мне кажется, что интерес к этой области появляется у них сравнительно поздно»¹⁷.

Я думаю, что автор здесь выразился весьма тактично, но не совсем точно: у большинства ученых «интерес к этой области», т. е. к психологии, вообще отсутствует. И не мудрено! Они точно так же не осведомлены (хотел написать – невежественны) в области психологии, как и остальные выпускники средней и высшей школы, магистратуры, аспирантуры и докторантуры. Впрочем, противопоставление двух культур не совсем корректно и совсем не абсолютно. Порой мне легче обсуждать общепсихологические проблемы с физиками, математиками, филологами и т. д., чем с профессиональными психологами, которые нередко так узко направлены в свою специальную область, что не склонны делать «шаг влево» или «шаг вправо». Так, специалисты по «психологии уха-горла-носа» (выражение А. Г. Асмолова) воспринимают рассуждения в области психологии личности или социальной психологии как ненаучные или слишком популярные. Может быть, подлинная психологическая культура и узкая психологическая профессионализация (цивилизация?) – две вещи не совсем «совместимые»?

Концепция двух культур, предложенная Ч. Сноу, такая ясная на первый взгляд, бесспорная, на самом деле, по мнению В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунова, таковой не является. С их точки зрения, она является очередным мифом XX в., а «мифы время от времени следует развеивать, иначе они превращаются в «архетипы культуры», в «схематизмы созна-

¹⁶ Сноу Ч. Две культуры: сборник публицистических работ. М., 1973. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 27.

ния» и затем, подобно теоретически сконструированным Фрейдом неврозам, распространяются, оседают и обнаруживаются в реальности, оказывая на культуру обратное влияние»¹⁸. Эти высказывания представляются для нас принципиально важными, может быть, не столько с точки зрения критики концепции «двух культур», сколько с позиции положения, о котором речь у нас пойдет дальше, когда мы будем обсуждать проблему взаимодействия концептуальной, теоретически оформленной, фиксированной психологической культуры и житейской, спонтанной, повседневной психологической культурой. Скажем сразу, здесь наблюдается движение «снизу вверх» и «сверху вниз». В процитированном тексте речь идет о движении теоретической конструкции «вниз» в структуру обыденного сознания.

Авторы далее развивают весьма плодотворные идеи о единстве культуры и опасности ее бесконечной дифференциации.

«Культура, по определению, едина, универсальна, интегральна. Наука и техника входят в нее в качестве составной части или, точнее, элемента, в котором должно быть отражено целое, т.е. культура. Если этого нет, то наука и техника оказываются вне культуры. А последнее не имеет степеней. Оппозицией культуре может быть только бескультурие. Нет культуры второго сорта. Несмотря на простоту и кажущуюся привлекательность, постановка «проблемы двух культур», принадлежавшая Чарльзу Сноу, является принципиально ложной. Мало этого, она открывает возможность дальнейшей трудно предсказуемой дифференциации культуры на виды, подвиды, что равносильно ее разрушению как целого»¹⁹.

Что касается опасностей дифференциации, то, во-первых, она неизбежна, а порой, как известно, необходима и полезна, если не подменять частью целого и не подменять первое вторым, а во-вторых, тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, «процесс пошел».

В своей новой книге «Сознание и творческий акт»²⁰ Владимир Петрович приводит 21 высказывание о культуре «с тем, чтобы создать у читателя некоторое обманное представление (не определение) о таком многогранном явлении, как «живая культура»²¹. Некоторые из этих высказываний я не могу не привести:

¹⁸ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. М., 1994. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010.

²¹ Там же. С. 336.

«Культура – это язык, объединяющий человечество» (Павел Флоренский).

«Вся человеческая культура до сих пор остается протестом против смерти и разрушения...» (Вяч. В. Иванов).

«Культура... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (Э. Б. Тайлор).

Далее В. П. Зинченко приводит высказывание Ю. М. Лотмана, которое для нас, как это будет ясно из нашего дальнейшего изложения, имеет особое значение: «Я представляю себе культуру не в образе механически соположенных различных видов искусства, науки и т. д., а как некое органическое целое, если угодно, некоторое живое существо, сложно соотношенное как со своим окружением, так и со своим прошлым и будущим. Вопрос усложняется еще и тем, что входящие в культуры элементы (различные искусства, духовные достижения и т. д.) не заключены в ней, как какие-то предметы в мешке, а, скорее, напоминают органы единого организма, связанные и конфликтующие одновременно».

Можно предположить, что психологическая культура является важным, живым органом целостной человеческой культуры. В другом месте Ю. М. Лотман говорит о взаимодействии, лучше сказать, неразрывности науки и искусства. Мы обязательно еще вспомним эти слова, когда у нас речь пойдет о литературно-художественном моделировании внутреннего мира человека в процессе преподавания психологии.

«...наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Обладая одним глазом, человечество бы обладало, как и одноглазый человек, неким плоским и однолинейным знанием: именно “разнооснованность” искусства и науки и создает объемность нашего знания»²².

Мне хотелось бы завершить это культурологическое повествование очень емким определением из учебника «Психология», созданного Санкт-Петербургскими психологами: «Культура – это то, что люди делают с природой, с собой, как ведут себя по отношению к окружающим, к самим себе и что они при этом думают и говорят»²³.

Так и хочется добавить только одно слово: «психологическая».

За последнее десятилетие анализ понятия «культура» в самых различных аспектах стал предметом совершенно необъятной науки – куль-

²² Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 522.

²³ Психология: учебник / Под ред. А. А. Крылова. М., 1998. С. 25.

турологии. Как справедливо отмечают А. В. Брушлинский и П. Н. Шихирев во вступительной статье «О пользе вечных истин» к книге С. Московичи «Машина, творящая богов»: «**Необычайно расцвела культурология, вплоть до угрозы поглощения ею социологии, социальной психологии и даже философии;** возродились с новой силой поясом универсалий человеческого поведения, того, что объединяет, а не разделяет людей в мире; исключительно актуальными стали нравственные проблемы в политике и экономике; материальную силу таких неосознанных психологических факторов общественной жизни, как доверие, признают самые убежденные материалисты, в целом заметно возросла роль морально-психологического способа социальной регуляции поведения по сравнению с чисто экономической стимуляцией»²⁴.

Я бы вместо слов «морально-психологического способа...» с удовольствием написал бы «культурно-психологического» в духе пока еще неизложенной здесь концепции «культурно-психологического опосредования». При этом автор (в смысле я), как принято говорить, отдает себе отчет в двух вещах: во-первых, он вносит вклад в «разрастание» культурологии до новой области – психологической культурологии (науки о психологической культуре); во-вторых, пользуясь преимуществом первопродолжца, излагает ее авторский вариант. Впрочем, в таком же положении ощущают себя и прочие культурологи. Недаром, как подчеркивает В. М. Розин в учебнике «Введение в культурологию», «в культурологии столько теорий, сколько крупных культурологов. Например, есть «семиотические» версии культуры (здесь достаточно назвать имя Ю. Лотмана), «литературоведческие» (М. Бахтин, С. Аверинцев), «диалогические» (В. Библер), «исторические» (Л. Баткин, А. Гуревич), «методологические» (А. Кребер, К. Клакхон), «антропологические» (М. Мид) и т. д. И внутри каждой научно-дисциплинарной версии понимание культуры порой существенно отличается. Наличие многих теорий культуры и неоднородный характер культурологии приводит некоторых культурологов к парадоксальному выводу о том, что не существует вообще такого объекта, как культура, во всяком случае в том же смысле, в котором мы говорим про объекты естественных наук»²⁵.

В мои задачи совершенно не входит дискуссия по поводу общих проблем культурологии. Для обоснования концепции психологической

²⁴ Брушлинский А. В., Шихирев П. Н. О пользе вечных истин // Машина, творящая богов С. Московичи. М., 1998. С. 13

²⁵ Розин В. М. Введение в культурологию: учебник. М., 2000. С. 11–12.

культуры мы хотели бы, во-первых, показать на некоторых примерах, как психологические реалии включаются в культурологические исследования, во-вторых, посмотреть, как определяют культуру сами психологи.

Стоит отметить, что сам В. М. Розин является представителем «психологической» культурологии. Правда, самого понятия «психологическая культура» в названных работах В. М. Розина нет, хотя в его очерке «Любовь» квалифицируется в скобках как «культурно-психологический анализ»²⁶.

Примером того, что серьезные культурологические исследования не могут не включать психологические категории, может служить книга Л. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры»²⁷.

Автор дает традиционное общее определение культуры: «Культура – “вторая природа”, творимая людьми в процессе их общественной практики»²⁸.

Для нас дальше чрезвычайно важным представляется разработка категории, картина, образ или «модель мира», в которую включаются психологические компоненты: «модель мира» – достаточно устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности в течение длительного периода.

Универсальные категории культуры, «без которых она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях, – это вместе с тем и определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании»²⁹.

Автор показывает, как «модель мира», складывающаяся в данном обществе, «управляет» поведением человека, преобразует импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира в данные своего внутреннего опыта.

²⁶ Розин В. М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание. М., 1999. С. 179.

²⁷ Гуревич Л. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

²⁸ Там же. С. 40.

²⁹ Там же. С. 15–16.

Мы думаем, что весьма существенной составляющей этой «модели мира» является психологическая культура личности, психологическая культура общества, которая опосредует и определяет то, что можно было бы назвать психологическим мировоззрением. Анализируя средневековое искусство, произведения мастеров живописи, архитектуры, литературы, автор ставит главный для нас в этом контексте вопрос: «Как видят мир эти мастера?». Можно было бы сказать, что они видят мир сквозь призму своей психологической культуры. Так ответили бы мы сегодня на вопрос, который прежде поставили в своих ранних книгах^{30,31}.

Обсуждалась проблема истории возникновения науки о детстве. Для того чтобы возникла специальная наука об особенностях психики подрастающего человека – детская психология, – необходимо было открыть одну простую истину: ребенок – это не маленький взрослый, не его уменьшенная копия. Необходимо было изменить взгляд на детство (подчеркнуто сегодня Я. К.). Это изменение можно проследить не только в науке, но и в искусстве.

В книге «Человек: психология» я так описываю этот процесс. «Рассматривая картины старых и даже не очень старых мастеров, на которых изображены дети, можно прийти к выводу, что рисовали их в то время очень своеобразно, а попросту говоря, не очень умело. Нет, с технической и, так сказать, с физиологической стороны все эти младенцы, принцы, инфанты, княжны и т. д. выписаны безукоризненно: переданы нежные оттенки цвета и тона детской кожи, прекрасно воссозданы все окружности, как живые выются мягкие кудряшки... Но с психологической стороны все это на редкость неинтересно: дети либо выглядят как уменьшенные копии взрослых, либо лишены личностного своеобразия».

Впрочем, в средневековой, например, живописи, как отмечают специалисты, и взрослые изображены своеобразно. Не было портрета. Художники, конечно, подмечали индивидуальные черты человеческих лиц и были способны их передать. Дело здесь не в умении, а в задачах, которые ставились, в особенностях подхода к личности у художников того времени. Сегодня я бы объяснил эти «особенности подхода» психологической культурой, психологическим мировосприятием художников того времени. В этом же ключе можно усмотреть и особенности изобра-

³⁰ Коломинский Я. Л. Беседы о тайнах психики. Минск, 1990. С. 40

³¹ Коломинский Я. Л. Человек: психология. Минск, 1998. С. 53.

жения детства писателями. Почти все интересные книги о детстве были созданы не раньше XIX века! А во второй половине XIX века появились и первые научные исследования по детской психологии. Кстати, и детей в это время научились изображать.

Случайное совпадение? Едва ли. А что, если это отражение общего явления: люди изменили точку зрения на детство. На детей перестали смотреть как на маленьких взрослых, перестали, сравнивая себя с детьми, рассуждать по принципу «больше – меньше», «лучше – хуже». Постепенно стало ясно: у детей качественно своеобразный внутренний мир и «счастливая, невозвратимая пора детства» – это пора, наполненная такими могучими впечатлениями, такими стремлениями, что потом человек всю жизнь испытывает на себе их влияние.

Перед взрослыми как бы заново открылась неведомая прежде страна – Детство!

Культурно-психологические установки, которые определили манеру изображения детей средневековыми художниками, когда «не существовало представления о детстве как особом состоянии человека и детей воспринимали как маленьких взрослых», обуславливают и, так сказать, прочие декодирования: восприятие сегодняшними зрителями детских образов на картинах старых мастеров.

Во время одного из последних посещений Дрезденской галереи я был свидетелем, вернее, даже пассивным участником характерной, как потом выяснилось, сцены. Экскурсовод подвела группу экскурсантов к картине Ван-Дейка, на которой была изображена королевская семья.

– Как вы думаете, – обратилась она к публике, – сколько лет вот этой девочке – инфанте?

– Двенадцать, четырнадцать! – меньше не давал никто.

– Вы ошиблись, – удовлетворенно заметила экскурсовод, – ей всего-навсего шесть лет!

Я в дискуссии не участвовал, потому что знал, в чем здесь дело...

Представители интересного направления в исторической науке – исторической психологии, которые вдохновлены культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, анализируя особенности «картины мира» людей различных эпох, совершенно справедливо считают, что «необходимо принять во внимание историчность самих механизмов психической жизни, важнейших психических процессов: восприятия и воображения, мышления и речи, памяти и самосознания, законов познавательной деятельности и эмоциональной жизни».

Автор книги «Историк и социология» Б. Н. Миронов считает, что «недоучет исторического характера психологии человека не может не приводить к навязыванию людям прошлого мотивов, оснований и резонансов поведения, которые свойственны современному человеку»³².

С нашей точки зрения, речь идет об историчности психологической культуры личности, которая опосредует взгляд человека на себя и на других. Отсюда и характерное для многих обществ и, как об этом мы уже говорили, игнорирование детства как особого качественного состояния, которое выразилось в изображении детей, как маленьких взрослых. Б. Н. Миронов усматривает и другое основание для объяснения слитности в сознании людей средневековья понятий детства и взрослости. Он считает, что игнорирование детства определялось не только тем, что средневековому человеку была чужда идея развитая и изменения, но и тем, что в психологическом отношении дети и взрослые в средневековом обществе отличались друг от друга не столь существенно (или, во всяком случае, имели больше общего, чем взрослые и дети в современных индустриально развитых странах)³³.

«Недостаточно сильное фактическое различие в психологическом отношении взрослых и детей, возможно, и послужило дополнительным основанием для того, что дети с семилетнего возраста... вливались в большую семью взрослых... к XVIII в., когда взрослые стали значительно отличаться от детей в психологическом отношении... дети перестали быть их партнерами, и постепенно по мере роста этого различия – между миром взрослых и миром детей возникла стена (выделено мною. – Я. К.), которая преодолевалась длительным процессом образования и воспитания»³⁴. Автор этого предположения о «преодолении стены», конечно, оптимист. Стена существует до сих пор. И по обе стороны ее возникли разные культуры: культура взрослых, которую они склонны считать единственной и культура детства, детская субкультура, или, по выражению М. В. Осориной, «секретный мир детей». Мы в дальнейшем специально рассмотрим эту субкультуру в аспекте ее культурно-психологических компонентов.

Собственно говоря, исследования, которые составляют содержание этой книги, весь ее пафос или сверхзадача состоят как раз в том, чтобы эту нерушимую границу между педагогами и детьми, взрослыми и ма-

³² Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 170.

³³ Там же. С. 139.

³⁴ Там же. С. 140.

ленькими людьми, во-первых, изучить, а во-вторых (ради этого велись исследования!), научиться ее преодолевать. Во всяком случае, не углублять ее из-за недопонимания и неумелости.

Забор этот, границы двух миров никогда не были наглухо заколочены и между ними всегда осуществлялось многообразное взаимодействие: мир детства всегда во многом определялся «взрослой культурой», которая ассимилировалась в преображенном, символизированном виде. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования по теории детской игры. Согласно гипотезе Б. Д. Эльконина, творческая игра, которая, по нашему мнению, является важнейшим элементом детской субкультуры вообще и психологической в частности, возникла в ситуации четкой дифференциации двух миров. Когда мир взрослых усложняется до такой степени, что дети уже не могут принимать здесь непосредственное участие, они входят в него в символической опосредованной форме игровой деятельности. К обсуждению вопроса о культурно-психологической составляющей этой деятельности мы еще вернемся.

Формирование психологической культуры всех участников воспитательного процесса в учреждении образования – главная, а может быть, и единственная задача психолога. Формировать, развивать психологическую культуру – это значит научить подрастающего человека и тех, с кем он общается – педагогов и родителей, – познавать самих себя, успешно действовать в двух мирах своего существования: внутриличностном и межличностном пространствах взаимоотношений и общения с другими людьми.

Формирование психологической культуры определяет и решение другой важнейшей задачи – сохранения и укрепления психологического здоровья детей, родителей и воспитателей. Оно обеспечивает благоприятный психологический климат во всех структурах воспитательного процесса, создает почву для эмоционального благополучия во внутреннем мире детей, воспитателей и родителей. Эта книга адресована воспитателям детских садов, учителям начальных классов, родителям и будущим педагогам – студентам, вообще всем, кто хочет узнать нечто новое о себе самом.